

На правах рукописи

БОНДАРЕНКО ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

**ФАКТОРЫ РИСКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ**

Специальность 23.00.02 – политические институты,
этнополитическая конфликтология,
национальные и политические
процессы и технологии

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Ростов-на-Дону – 2006

Работа выполнена на кафедре политологии и этнополитики
Северо-Кавказской академии государственной службы

Научный руководитель: заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор
Охотский Евгений Васильевич
доктор социологических наук, профессор
Бондаренко Сергей Васильевич

Ведущая организация: Ростовский государственный университет

Защита состоится «7» апреля 2006 г. в 12-00 часов на заседании диссертационного совета Д 502.008.02 по политическим наукам при Северо-Кавказской академии государственной службы по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70, аудитория № 514.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Северо-Кавказской академии государственной службы.

Автореферат разослан « 4 » марта 2006 года.

Отзывы на автореферат, заверенные печатью, просим присылать по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70, к. 304.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Старостин А.М.

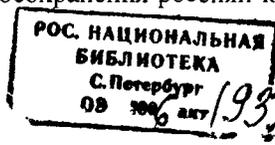
I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В течение длительного времени успехи и неудачи реформирования российского общества связывались исследователями и политиками в первую очередь со степенью адекватности преобразований западным институциональным моделям. Однако формирование демократической системы политических институтов в России так и не стало решающим фактором гармонизации отношений общества и власти, основой реальной демократии в стране. Демократические институциональные формы превратились в своего рода ширму, прикрывающую реставрацию авторитаристских тенденций, снижение уровня гласности, равнодушие власти к общественному мнению.

Становится все очевиднее, что роль человеческого потенциала, задействованного в процессах политического управления, качество и характер формирования политической элиты являются не менее определяющими для развития общества, чем институциональные конфигурации. Российская политическая элита во многом придает облик обществу, создает его моральный климат, и ее качество является весьма значимым фактором влияния на ход политических процессов.

Будучи субъектом власти, носителем политических и государственных полномочий, наиболее влиятельным политическим макроактором, элита призвана определять стратегию социально-политического развития общества, отвечающую потребностям сохранения национальной безопасности, обеспечивать успешную реализацию реформ, способствовать укреплению гласности, развитию начал гражданского самоуправления. Нарушения и деформации характера деятельности политической элиты оказывают глубокое негативное влияние на жизнь общества, способствуя его разложению, обесцениванию базовых социальных ценностей, утрате населением идеологических и нравственных ориентиров.

Различные грани этого негативного влияния проявляются в качестве факторов риска, и должны быть исследованы в этом аспекте. Низкий уровень социального прогнозирования, слабость стратегического мышления, отсутствие жизнеспособной идеологии и ценностей, обладающих достаточным мобилизационным потенциалом для всех членов общества, недостаточно коррелируют с потребностями национальной безопасности России и собственно самосохранения россиян как этноса.

Принятие политической элитой жестких, «шоковых» решений в социальной сфере обнаруживает ее политическую и социальную недалекость. Расцвет коррупции и должностных злоупотреблений, рост объема неправовых политических практик, фактическое господство клановой идеологии и этики элиты, отчетливая эгоистическо-расхитительская логика ее социального поведения свидетельствуют о глубоком разложении и формируют своего рода паттерн нигилистического отношения к обществу и его интересам, который постепенно усваивается акторами всех уровней, превращаясь в универсальную для России норму. Деятельность элиты тем самым способствует деформации всего социокультурного контекста современного российского общества как целостности, превращению его в «общество двойного стандарта».

Выделение и анализ факторов риска в деятельности российской политической элиты является актуальным и продуктивным, давая возможность перейти к теоретическим обобщениям более высокого уровня. Тем более что рискологическая проблематика в настоящее время выходит на передний план изучения всех социальных наук. Безопасность общества, условия ее поддержания, риски модернизации и демодернизации и степень их осознания обществом и управленческой элитой становятся предметом широкого исследования. Это связано с прохождением российского общества через фазу глубинной трансформации, которая сопряжена с повышением уровня риска и социальной неопределенности. Это обусловлено также растущим освоением отечественной социально-политической мыслью теоретико-методологических конструктов современной зарубежной социальной рискологии и попытками творческого применения их к изучению и осмыслению изменившейся российской действительности.

В этом контексте ясно, что исследование деятельности современной российской политической элиты сквозь призму рисков, связанных с ее последствиями, обладает сегодня острой актуальностью. Она определяется высокой рискогенностью характера и тенденций деятельности элиты с точки зрения настоящего и прежде всего будущего России.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблематика, связанная с деятельностью российской правящей элиты, в последнее время находит весьма широкое освещение в научной литера-

туре. Естественно, что в конечном счете любые исследования в области элитологии базируются на принципах теории элит, разработанных известными зарубежными социологами – Г. Моской, Р. Михельсом, В. Парето и политологами – Г. Алмоном, С. Вербой, Р. Далем, Х. Зиглером, Г. Лассуэлом, Ч.Р. Миллсом, Дж. Сартори, Ф. Хантером. За рубежом существует длительная традиция плодотворного и объективного изучения процессов формирования и деятельности политической элиты, тогда как российская элитология получила возможность развития только с началом перестройки. В советский период исследование процессов, происходящих в верхах партийно-номенклатурной среды было под негласным запретом.

Начало демократизации российского общества повлекло за собой бурный всплеск исследовательского интереса к проблемам политической элиты, ее качества, управленческой эффективности, роли в обществе, влияния на трансформационные процессы. Глубокие изменения социальной и политической действительности требовали новых подходов к кадровой политике в области государственного управления, что, в свою очередь, означало потребность в научном осмыслении и оценке действующих механизмов инкорпорации и экскорпорации членов политической элиты, анализе факторов низкой эффективности ее деятельности, поиске путей повышения ее качества и т.д. Указанная проблематика нашла отражение в исследованиях отечественных политологов, социологов, философов, таких как Е.М. Аврамова, М.Н. Афанасьев, Г.К. Ашин, Л.В. Бабаева, Д.В. Бадковский, И.М. Бунин, О.В. Гаман-Голутвина, В.Я. Гельман, В.Е. Гимпельсон, Г.В. Голосов, Г.Г. Дилигенский, И.С. Дискин, А.Ю. Зудин, А.А. Кара-Мурза, Б.Г. Капустин, Н.К. Кисовская, И.М. Клямкин, Ю.Г. Коргунюк, Т.П. Коржихина, Ю.В. Краснов, О.В. Крыштановская, И.В. Куколев, В.В. Лапаева, Ю.А. Левада, А.К. Магомедов, В.М. Межуев, Е.Н. Мошечков, О.Г. Мясников, А.В. Оболонский, Е.В. Охотский, А.С. Панарин, В.Б. Пастухов, С.П. Перегудов, А.В. Понеделков, Ю.А. Пустовойт, А.М. Салмин, А.М. Старостин, Е.Я. Таршис, М.Ю. Урнов, М.Х. Фарукшин, К.Г. Холодковский, В.В. Черноус, Л.Ф. Шевцова, Е.Б. Шестопал, Н.А. Шматко, Ю.В. Ярмак и др.

Исследование российской политической элиты и ее деятельности в контексте сложившейся кризисной ситуации в обществе и политико-

идеологической сфере, анализ деструктивных аспектов и факторов в характере и направленности деятельности элиты, ее ценностных ориентациях и мотивациях в последнее время также широко представлены в литературе.

Так, развитие неформальных составляющих деятельности российской политической элиты, влияние теневой экономики, феномен лоббирования политических решений, теневые процессы в политической сфере плодотворно исследуются М.Н. Афанасьевым, С.Ю. Барсуковой, В.А. Вороновым, В.П. Воротниковым, О.В. Гаман-Голутвиной, Т.И. Заславской, И.М. Клямкиным, Л.А. Колесниковой, Ю.В. Латовым, А. Макариным, Т.А. Нестиком, В.В. Радаевым, В.Л. Римским, Р.В. Рывкиной, Н.Н. Седовой, А.М. Старостиным, Л.М. Тимофеевым, В.Н. Титовым, М.А. Шабановой.

В работах И.М. Бунина, В.Т. Веденева, В.Е. Гимпельсона, Л.В. Дунаевского, А.Ю. Зудина, С.Г. Климовой, А.А. Кравец, С.П. Перегудовой, О.В. Перепелкиной, А.В. Понеделкова, К.Г. Холодковского, Л.Ф. Шевцовой анализируются взаимоотношения и взаимовлияния государственно-управленческой элиты и бизнес-элиты, процесс их сближения и формирование симбиоза. Проблемы, связанные с коррупцией политической элиты и ее сращением с криминальными структурами исследуются такими авторами как В.Н. Бурлакова, Ю.Н. Волкова, М.Б. Горный, С.Ф. Гребениченко, В.П. Давыдов, А.В. Дука, В.В. Лунеев, О. Митрошенков, Г. Мишин, В.П. Сальникова и др.

Рискогенные факторы деятельности региональных элит и порождаемые ею угрозы безопасности российского общества как единой целостности исследуются М.Н. Афанасьевым, В.Я. Гельманом, И.В. Куколевым, В.Н. Лысенко, А.К. Магомедовым, Г.В. Марченко, Е.В. Охотским, А.В. Понеделковым, А.И. Селивановым, Г.И. Смирновой, С. Солником, М.Х. Фарукшиным.

В ряде исследований затрагиваются вопросы профессионального и морально-этического качества российской элиты, ее политической и правовой культуры, управленческих традиций, оцениваются уровень социальной ответственности и социальной рефлексии элиты, ее стратегический потенциал в решении задач трансформации общества и политической системы и сопряженные с этим риски. Среди авторов таких

работ следует назвать Л.Н. Васильеву, Г. Голосова, И.Е. Дискина, Т.И. Заславскую, М.В. Ильина, Б.И. Краснова, О.В. Крыштановскую, М.Ю. Мартынову, Г.И. Осадчую, А.С. Панарина, В.В. Согрина, Ж.Т. Тощенко, Е.Б. Шестопала, О.Н. Яницкого.

Пути коррекции процессов формирования и деятельности элиты в контексте развития структур гражданского самоуправления рассматриваются в работах Л.М. Алексеевой, Т.Е. Ворожейкиной, А.А. Галкина, В.Я. Гельмана, Г.В. Голосовой, Г.Г. Дилигенского, В.Б. Звонковского, А.Ю. Зудина, В.В. Лапаевой, С.П. Перегудова, В.Н. Руденкина, И.С. Семеновко, И.Г. Тарусиной, К.Г. Холодковского, Л.Ф. Шевцовой, О.Н. Яницкого и др.

Таким образом, различные аспекты деятельности российской политической элиты, содержащие факторы риска для общества и политической системы, получили и получают достаточно широкое освещение в отечественных исследованиях. Однако до сих пор не было попыток решить задачу комплексного исследования всей совокупности факторов риска в деятельности элиты, чему и посвящена настоящая диссертация.

Объектом исследования выступает политическая элита современного российского общества как коллективный макроактор, действующий в политическом институциональном поле

Предмет исследования составляют тенденции и характеристики деятельности российской политической элиты, объективно выступающие в качестве факторов риска для общества в целом.

Цель исследования заключается в выделении и анализе объективных факторов риска, содержащихся в деятельности политической элиты современного российского общества.

Для реализации поставленной цели необходимо решение ряда промежуточных исследовательских *задач*:

- проанализировать политические аспекты содержания современных рискологических теорий;
- обосновать роль современной российской политической элиты как субъекта производства рисков;
- исследовать потенциальную рискогенность инициированных элитой изменений в системе политических институтов российского общества;

- выявить стратегические риски политико-идеологической сферы, связанные с деятельностью современной российской политической элиты;
- проанализировать как объективный фактор риска рост закрытости и дистанцированности от общества российской политической элиты, дефицит публичности в управлении;
- вскрыть рискогенность роста участия административно-силовых ресурсов во взаимодействиях элиты и общества;
- исследовать в аспекте рискогенности влияние негативных особенностей качества, в том числе и культуры, российской политической элиты.

Теоретико-методологическую основу диссертации составляют работы ведущих отечественных и зарубежных исследователей в области теории элит и социальной рискологии. Используя базовые идеи Г. Моски, Р. Михельса, В. Парето, мы тем не менее делали основной упор на продолжение подходов, разрабатываемых применительно к специфике российского пореформенного общества и особенностям его элиты отечественными политологами – М. Афанасьевым, О. Гаман-Голутвиной, О. Крыштановской и др. В то же время заявленная нами тема и цель диссертации требует и обращения к методологическому арсеналу, предлагаемому современными рискологическими концепциями. В этой связи в работе использовались идеи и концепты теорий «общества риска» (У. Бек, З. Бауман, Э. Гидденс, Н. Луман), а также – и преимущественно – идеи отечественных исследователей, придерживающихся этой парадигмы.

Проблемы, связанные с деятельностью политической элиты, очень тесно сопрягаются с проблематикой институциональной структуры и институциональной среды, внутри которых реализуется эта деятельность. В диссертации мы затрагиваем степень влияния деятельности и состояния элиты как субъекта власти на состояние политических институтов и качество их функционирования. Для этого использовались ключевые моменты неинституционального подхода, с точки зрения которого институты можно рассматривать как субъектно-объектную реальность, значительно зависящую от характера деятельности субъекта и деформирующуюся под его влиянием.

В ходе работы над диссертацией получены результаты, в которых содержатся следующие *элементы научной новизны*:

- показано, что концепции социальной рискологии включают в себя политические аспекты и, следовательно, могут применяться к исследованию политических процессов в рискогенных социокультурных контекстах, в частности, в современном российском обществе;

- выяснено, что российская политическая элита обладает контр-модернизационным потенциалом и выступает ядром солидарности производителей риска;

- обоснована политическая рискогенность инициированных современной правящей элитой изменений в системе властных институтов, влекущих за собой рост участия административного ресурса в управлении и закрепление процедурного характера российской демократии;

- выяснено, что стратегическая несостоятельность современной российской политической элиты в отношении идейно-ценностной интеграции населения обладает рискогенным потенциалом, способствуя в масштабах общества утрате созидательного этоса и политической дестабилизации, развитию элементов аномии;

- установлено, что рост силового сектора в повседневных управленческих практиках отражает ориентацию правящей элиты на тоталитарный тип политической мобилизации через «поиск врага» и свидетельствует о наличии риска политической демодернизации;

- показано, что рост закрытости и конфиденциальности деятельности политической элиты выступает фактором риска для политической системы и общества, поскольку влечет за собой деполитизацию населения и деформации в функционировании демократических институтов власти;

- исследована и обоснована рискогенная роль низкого культурного потенциала российской политической элиты.

Новизна исследования конкретизирована в следующих *положениях, выносимых на защиту*:

1. Рискологическая парадигма изучения общества включает политический аспект, связанный с осознанием вовлечения политической сферы в единый социокультурный контекст расширенного генезиса рисков и соответствующими деформациями как в функционировании политических институтов, так и в характере деятельности правящей элиты. Политическое измерение «общества риска» составляет размывание гра-

ниц политики, рост политического потенциала любых социальных изменений. Глобальная тенденция «обществ риска» к сужению круга реальных субъектов политического решения в российском обществе проявляется в игнорировании элитой общественного мнения, дефиците публичности в принятии решений.

2. Российская правящая элита, функционирующая в контексте модернизации социального и политического пространства, обладает в силу своих объективных качеств, а также влияния долговременных российских политических традиций и кратического менталитета, значительным контрмодернизационным потенциалом, чем определяется характер рисков, связанных с ее деятельностью. Доминирование клановых ориентаций и отсутствие адекватного социального контроля со стороны гражданских структур способствуют превращению элиты в структурное ядро солидарности производителей риска при сохранении за ней функции обеспечения безопасности общества.

3. Инициированные правящей элитой изменения в системе политических институтов по своему объективному содержанию являются оформлением начавшегося процесса политической демодернизации, заключающегося в создании и внедрении институциональных форм, воспроизводящих в демократическом контексте паттерны, характерные для тоталитарного институционального порядка. Узловым пунктом кумуляции рисков в современном российском обществе является стратегическая и идеологическая несостоятельность политической элиты, ее неспособность предложить населению удовлетворительный социальный проект будущего, пути преодоления пореформенного раскола ценностей, единую цель, обладающую потенциалом гражданской мобилизации. Кланово-эгоистические ориентации элиты определяют ее стратегию удержания власти и сохранения политического статус-кво в ущерб ценностям развития и созидания, что выступает важным фактором идеологического и гуманитарного риска, способствует формированию и распространению на все общество потребительски-паразитического паттерна поведения.

4. В результате роста закрытости российской политической элиты и расширения теневой зоны ее повседневных управленческих практик все более снижается реальное политическое значение демократических

институтов власти, их функционирование приобретает формально-процедурный характер; увеличивается роль теневого лоббирования политических решений; нарастают отчуждение общества от политической элиты и государства, политико-идеологическая индифферентность и протестная пассивность населения, что дает широкие возможности манипуляции общественным мнением в частногрупповых интересах. Политическая и социальная рискогенность этих процессов заключается в фактическом существенном ограничении реальной демократии и перспектив развития гражданского самоуправления, что означает откат к политической демодернизации.

5. Расширенная инкорпорация в правящую элиту России представителей силовых структур, укрепление влияния последних на принятие политических решений свидетельствует об осознании элитой важности проблемы социальной безопасности, понимаемой как статус-кво в сфере власти, и стремлении решать эту проблему средствами политической мобилизации через формируемый страх перед «образом врага», посредством широкого вовлечения административного и силового ресурса. Рискогенность этого процесса связана с угрозой усиления тоталитаристских тенденций в государственном управлении, мифологизацией общественного сознания ангажированными СМИ, ростом латентной конфликтности в обществе и социальных фобий.

6. Существенным фактором риска является низкий уровень общей, политической и правовой культуры современной российской правящей элиты, способствующий генерированию множественных нарушений демократических норм, неправовых управленческих практик; коррупции и криминализации представителей властных структур; нигилистическому отношению к запросам и потребностям широких слоев общества и проблемам социального воспроизводства. Недостаток культурной рефлексии у политической элиты сказывается в недооценке возникающих рисков, ставке на неограниченное терпение как элемент традиционной российской ментальности, в стратегической и идейной несостоятельности.

Научно-практическая значимость диссертации определяется острой актуальностью проблем, связанных с ростом социального риска в современном российском обществе и с негативными аспектами и со-

циальными последствиями деятельности политической элиты. Полученные в ходе исследования результаты способствуют углублению имеющихся теоретических представлений о текущих процессах в российском политическом пространстве и о роли в них элиты, а также о качестве последней, являющемся рискогенным фактором по отношению как к перспективе реформ, так и к состоянию социально-политической сферы в целом.

Материалы диссертации могут использоваться в политической и управленческой практике, в процессе подготовки кадров госслужащих, при чтении общих и специальных курсов по политологии, социологии, политической социологии.

Апробация работы осуществлена посредством изложения ее основных положений в брошюре и двух научных статьях автора.

Кроме того, основные результаты, полученные в ходе исследования, обсуждались на научных конференциях: «Региональные элиты в процессе современной российской федерализации» (Майкоп, 2001), «Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения» (Ростов н/Д., 2003), «Актуальные проблемы и ресурсы реформирования государственного и муниципального управления в России» (Ростов н/Д., 2005). Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав (семи параграфов), заключения и списка литературы, включающего 171 наименование. Объем диссертации составляет 139 страниц

II. Основное содержание работы

Во «**Введении**» обосновывается актуальность темы диссертации, раскрывается степень ее разработанности в научной литературе, конкретизируются объект, предмет, цель и задачи исследования, формулируются элементы содержащейся в работе новизны и положения, выносимые на защиту.

В главе первой «**Понятия риска и безопасности в изучении политических процессов**» анализируются политические аспекты социальной рискологии. Социальная рискология представляет собой отрасль

теоретической социологии; ее парадигма и методологии являются по существу социологическими, то есть направлены на изучение социальных и социетальных процессов; ее идеи разрабатываются крупнейшими социологами современности. Тем не менее рискологические концепты, по мнению автора, пригодны и для политологических исследований.

Так, в параграфе 1.1. «**Политические аспекты современных рискологических концепций**» показывается, что исследование рискогенных процессов в обществе на методологических основах современной рискологии включает в себя и политологическую составляющую. Автор подчеркивает, что, хотя исследование социальных рисков составляет непосредственный предмет теоретической социологии, одним из важных стимулов к развитию рискологических представлений послужило возрастание объективной значимости политических решений как факторов изменения социального и геополитического порядка. Идеи о рискогенности политических процессов современного общества содержатся в работах таких теоретиков социального риска как Н. Луман, У. Бек, З. Бауман. Помимо мысли о связи роста социального риска с развитием высокой модернизации, теории «общества риска» предлагают идею о том, что рост риска обусловлен характером конкретного социокультурного и политического контекста. Общество риска характеризуется, помимо прочего, особым политическим потенциалом, который следует анализировать на основе рискологической методологии. У. Бек пишет: «Социально осознанный риск политически взрывоопасен: то, что до сих пор рассматривалось, как неполитическое, становится политическим»¹. Расширение сферы социального риска приводит к определенным политическим следствиям: в результате возникают новые политические движения, происходят соответствующие изменения в системе политических институтов общества. Рискогенный социальный контекст обуславливает рост политической нестабильности, непредсказуемости, недоверия со стороны населения к сложившимся политическим институтам как гарантам стабильности и безопасности жизнедеятельности. В то же время, как показывает автор, с ростом социального риска растет общественная значимость научных знаний и дискуссий о рискогенных

¹ Beck U Risk Society Toward a New Modernity L. SAGE, 1992 P 24

факторах и путях поддержания безопасности. Речь идет о росте значимости интеллектуальной и политической элиты, клана экспертов, принимающих важнейшие решения. В-третьих, рост рисков приводит к размыванию границ между политическим и неполитическим: все, что может стать фактором социального риска, имеет политический потенциал и значение. Важнейшим политическим аспектом роста социального риска является повышение рискогенности политических решений, принимаемых узким кругом экспертов и политиков и зачастую лишенных рационального, научного обоснования: автор подчеркивает, что в обществе риска обсуждением политических проблем занимаются одни – интеллектуальная элита, а решения принимают другие – элита политическая.

Анализируя черты сходства и различия между отечественными и западными реалиями в области рискогенных процессов в политической сфере, автор утверждает, что децизионизм в политике является таким же фактором риска в российском политическом пространстве, как и в западном. При этом истоки рискогенных процессов в российском обществе кроются именно в политической сфере, в тоталитарном характере советской политической системы и функционирования партократии как правящей элиты, где децизионизм господствовал безраздельно, а насилие и риск для одной части общества были основой безопасности и блага другой. Автор полагает, что исследование деятельности российской политической элиты с точки зрения содержащихся в ней факторов риска требует применения рискологической методологии. Элементы рискологии находят себе применение и в политологическом дискурсе, поскольку общий рискогенный социетальный контекст подчиняет себе сферу политики, вызывая в ней определенные деформации как институционального, так и функционально-деятельностного характера. В частности, автору представляется уместным ставить проблему рискогенности деятельности и кратического поведения современной российской политической элиты как субъекта принятия решений. Специфический для России вариант рискогенной деформации политической жизни состоит в фактическом игнорировании субъектами политического решения результатов обсуждения проблем в публичной сфере, мнения экспертов и ученого сообщества.

В параграфе 1.2. «Российская политическая элита в контексте рискогенных социальных изменений» более подробно рассматривается место и роль политической элиты как инициатора социальных и политических изменений и носителя объективных тенденций демодернизации политической жизни. Автор полагает, что в противоположность западному обществу, для которого модернизация была собственной неизбежной логикой развития, российское общество вступило в этот процесс в порядке ответа на вызов запада. Сам модус российской модернизации был сопряжен с производством и накоплением социальных и политических рисков, поскольку модернизационные изменения институциональных форм происходили с одновременным формированием силового социокультурного контекста, возводившего в норму риск и насилие. По мнению автора, социокультурная амбивалентность российского общества определяет рискогенный для его структуры характер модернизационных процессов: реагируя на цивилизационный вызов Запада, российское общество консервативно и инертно в отношении политических и идеологических стереотипов. Последние же ориентируют население на терпение и пассивность как в отношении трудностей переходного периода, так и в отношении несостоятельности политической элиты, ее безответственности и открытых злоупотреблений властью, а элиту – на некритическое следование традиционным российским стандартам кратического поведения, допускающим произвол, децизионизм как норму, не противоречащую социальным ожиданиям населения. Это касается стереотипов приоритета исполнительной власти при слабой представительной, ограничения гласности в принятии политических решений, высокого уровня коррупции и т.д. Автор полагает, что именно неадекватность деятельности политической элиты демократической модели обуславливает низкую эффективность функционирования заимствованных у Запада институциональных форм. Кроме того, рискогенным фактором для политических преобразований является неразвитость структур гражданского общества, которые в странах с демократическими традициями выступают как необходимое дополнение демократической институциональной системы, тогда как российский политический менталитет допускает как норму неподотчетность вплоть до произвола правящей элиты.

При этом современная российская политическая элита включена в динамические процессы пореформенной социальной среды, реструктурирования общества в соответствии с тенденциями расширения производства рисков. В динамике тенденций формирования в российском пространстве новых групповых солидарностей, как представляется автору, политическая элита становится ядром солидарности риск-производителей. Этой групповой солидарности присуще доминирование частноэгоистических, клановых интересов над интересами общества, его безопасности и развития. Как справедливо отмечает О. Яницкий, «солидарность производителей риска носит агрессивный, экспроприрующий характер уже хотя бы потому, что ее первичный финансовый, социальный, политический и иной капитал были созданы силовым образом, посредством насильственного ограничения удовлетворения потребностей населения («шоковая терапия»), криминальной по сути приватизации, использования государственных средств в своих частных целях и т.д.»¹. Являясь в значительной степени инициатором модернизационных изменений, российская политическая элита в настоящее время стала носителем тенденций демодернизации в политике, более отвечающих ее стремлению к удержанию власти. Возрос контрмодернизационный потенциал элиты.

В результате эффективность политической элиты, ее способность интегрировать общество, стимулировать конструктивную активность населения существенно снизилась. Резко усилившийся социальный разрыв между элитой и массовыми группами, в нормальных условиях составляющими ее социальную базу, увеличил отчуждение общества от власти, усилил его социальную и политическую инертность, безразличие к общенациональным проблемам, неспособность к мобилизации для решения общих задач. Между тем обеспечение и поддержание на должном уровне безопасности модернизационных преобразований российского общества требует, во-первых, последовательных усилий со стороны политической элиты, и тем самым на повестку дня ставится поиск идей и ценностей, на основе которых могли бы объединиться конструктивные социальные силы. Во-вторых, оно требует продуманной единой стратегии.

¹ Яницкий О Н Социология риска ключевые идеи // Мир России 2003 № 1

Глава вторая «Рискогенные факторы политической стратегии российской элиты» посвящена анализу тех рискогенных факторов для общества, которые создаются в результате стратегических ошибок и просчетов элиты, деформаций в системе ценностей и идеологии правящих групп, отчуждения элиты от базовых социальных слоев. Автор подчеркивает, что политическая стратегия – ядро и концептуальная основа деятельности элиты, критерий ее адекватности запросам общества и вызовам времени. Эффективная стратегия является фактором стабилизации социальной и политической жизни, ущерб от провальной стратегии бывает таков, что угрожает самому существованию общества и его идентичности.

Параграф 2.1. «Рискогенные изменения в системе политических институтов» посвящен исследованию в этом ракурсе инициированных правящей элитой изменений в системе политических институтов. Институциональная структура представляет собой одну из главных сфер взаимодействия власти и общества. Именно в этой сфере реализуется противоборство властных элит, стремящихся направить деятельность людей в русло, отвечающее интересам общества, и социальными акторами, преследующих свои частные интересы. Результативность этого противоборства определяется качеством, адекватностью и эффективностью политических институтов как правил игры, которые, как подчеркивает автор, выражают отношения между акторами политических взаимодействий, как рядовых, так и макроакторов в лице организаций, партий и правящей элиты, на политических рынках и в целом в публичной сфере. Функционирование институтов, относящихся к политическому полю¹, находится в прямой связи с поведением индивидуальных акторов и корпоративных групп. Несмотря на то, что действия правящей элиты как макроактора, обычно связанные с движением материальных, финансовых, информационных, человеческих и других ресурсов, могут прямо не инициировать институциональных изменений, все же, подчеркивает автор, связанные с ее деятельностью изменения всегда со временем приобретают институциональное оформление. Таким образом, взаимодействие институциональных структур и постоянной деятельности

¹ Мартынов А. Теоретический аспект исследования постсоциалистической трансформации институциональный подход // Общество и экономика 2002 № 8-9

политической элиты как макроактора является фактором, определяющим направленность процессов, изменяющих общее состояние политического поля. В зависимости от этой направленности происходит структуризация институционального порядка политических взаимодействий.

Связь, объективно существующая между характером деятельности правящей элиты и процессами в институциональной структуре, проявляется и в содержании реформаторских инициатив в политическом институциональном поле. Так, в последние годы политической элитой России были инициированы значительные институциональные изменения в сфере государственного управления. Оценивая характер и объективное содержание этих инициатив, автор подчеркивает, что их позитивная направленность заключалась в необходимости восстановления нарушенной субординации и порядка функционирования властных структур как следствия общего посттрансформационного кризиса государства. По мнению О. Крыштановской¹, институциональные преобразования были направлены на решение следующих задач: институционализацию политического процесса; ресубординацию политической системы; восстановление функциональной спецификации институтов; внедрение согласительных стратегий принятия решений; возвращение утраченного консенсуса между ветвями власти; стабилизацию политических процедур; упорядочение использования государственных ресурсов и контроля центральной власти над ними. Тем не менее реальное содержание реформы, полагает автор, имеет не только позитивные, но и негативные, связанные с политическими рисками следствия. Прежде всего, укрепление властной вертикали протекает с направленностью, угрожающей гармоничному развитию ветвей власти. Согласно О. Гаман-Голутвиной², с которой солидаризируется автор, в российском обществе происходит институциональное оформление моноцентрического политического режима с единственным субъектом власти в лице президента. Соответственно снижается реальная роль парламента и других политических институтов, функционирование которых приобретает формальный, выхолощенный характер и всецело подчинено легитима-

¹ Крыштановская О. Анатомия российской элиты М, 2005 С 236

² См Политическая ситуация в России после выборов Круглый стол // Социологические исследования 2004 № 11

ции проектов, предлагаемых исполнительной властью, которая тем самым приобретает практически полный контроль над парламентом. Тем самым, подчеркивает автор, выявляется тенденция переструктурирования политического пространства по аналогии с советским, сопровождаемого кризисом системы партийно-политической репрезентации, ростом привлечения административного ресурса в электоральный процесс, ограничением партийно-политического спектра. Как пишет Ю. Левада, декларированный политический плюрализм «трансформировался в бинарную дихотомическую структуру, не оставляя места для "третьей" или "четвертой" и так далее силы».¹

Таким образом, заключает автор, реформаторские инициативы современной российской политической элиты в конечном счете направлены на реконструкцию институциональных элементов доперестроечного периода, соответствующих авторитарному стилю правления, при формальном сохранении общей демократической институциональной канвы. Такая институциональная стратегия является политически рискованной, поскольку актуализирует риски, связанные с демодернизацией политического пространства.

В параграфе 2.2. «Стратегические риски политико-идеологической сферы: кризис социального проекта, целей и ценностей элиты» рассматриваются риски, возникающие вследствие стратегической несостоятельности правящей элиты и характера ее ценностных ориентаций. Автор полагает, что безопасность общества среди других факторов обусловлена характером его нормативного идеала, который обладает не только аксиологическим, но и идеологическим, политико-стратегическим значением. Нормативный идеал, базовые ценности составляют стержень стратегии будущего, основу идеологии, социальной организации и политики. Наличие у правящей элиты жизнеспособной стратегии и социального проекта обладает огромным мобилизационным потенциалом и составляет условие реального социального консенсуса. Политическая элита также должна предложить обществу общенациональную солидаризирующую идеологию.

¹ Левада Ю А. От мнений к пониманию: социологические очерки, 1993–2000 М., 2000 С 89

Современная российская политическая элита, однако, по мнению автора, характеризуется стратегической несостоятельностью. Последняя проявляется в отсутствии единой выверенной стратегии политического и социального развития, как и идеологии, способной стать базой преодоления посттрансформационного кризиса. Идеологемы и стратегические концепции, предлагаемые элитой, основаны преимущественно на схемах и формулах, заимствованных из политической и социальной практики демократических государств Запада или из отечественной истории. Элита предпочитает пользоваться готовыми рецептами и безответственно экспериментирует с ними, меняя их в зависимости от развития социально-политической ситуации. Соответственно предлагаемые элитой политические проекты будущего, от либерально-демократического до авторитарно-тоталитарного, являются лишь заимствованными идейными концептами, мало подходящими для разрешения кризиса. Автор подчеркивает, что отсутствие реальной стратегической концепции является фактором риска, препятствует достижению идейной и политической интеграции общества.

Что касается ценностных ориентаций самой политической элиты, то, по мнению автора, преобладающими являются установки на реализацию частноэгоистических интересов и потребительская модель поведения. Объективно ценностные ориентации элиты можно расценивать как социально-деструктивные, способствующие разрушению созидательного этоса населения. Риски, обусловленные деформацией системы ценностей российской политической элиты, связаны с обесцениванием идеалов креативного труда и общественного блага в массовом сознании, угрозой духовного разложения и распространения в обществе потребительской идеологии.

В главе третьей «Рискогенные факторы повседневных политических практик элиты» анализируются риски, возникающие в связи с повседневной деятельностью последней. Второй аспект рискогенности деятельности политической элиты состоит в прямом негативном влиянии характера повседневных политических практик на жизнь общества в целом. В настоящей работе автор выделяет три основных направления исследования факторов риска повседневных практик элиты. Это идущее полным ходом в современном российском обществе «замыкание» эли-

ты; рост ее закрытости для социального контроля, конфиденциальности принятия основных управленческих решений, могущества теневых, в том числе и криминальных, влияний на легальный политический процесс; сокращение гласности и манипулирование общественным мнением. Это расширение участия силового фактора в политике, повышение роли и значимости силовых структур в обществе, сопряженный с ними рост тенденций к возврату авторитаризма в управлении. Наконец, это низкое качество российской элиты в плане ее общекультурного, мировоззренческого уровня, способности к стратегическому мышлению, социальной рефлексии, ценностных ориентаций.

Параграф 3.1. «Закрытость элиты и низкий уровень публичности ее деятельности как источник рисков» посвящен исследованию рисковенных последствий ограничения гласности политики и теневизации элиты. Автор показывает, что теневизация деятельности политической элиты является интегральной частью контекста теневизации российского общества. Теневые взаимодействия в политике являются продолжением теневых процессов в экономической сфере. Расширение теневого сектора в политике способствует общей дезорганизации во властных структурах. Принятие важнейших политических решений происходит закрытым для общества образом и практически недоступно социальному контролю, что обеспечивает возможность их лоббирования в частноэгоистических интересах кланов и групп и становится препятствием для реализации безопасной политики в интересах общества как целостности. Клановый характер политической деятельности, помимо прочего, означает перегруппировку сил во властных структурах и рост противоречий между федеральной властью и региональными элитами

В рамках теневого сектора происходит сращение теневых составляющих экономики и политики, определяющее характерное для современной России единство власти и капитала. В целях политической легитимации интересов теневых конклавов осуществляется лоббирование парламентских решений. В результате происходит фактическая институционализация теневых взаимодействий в политической сфере и деградация легальных форм политической практики, которые превращаются всего лишь в ширму, прикрывающую реальные непубличные практики и решения. Как подчеркивает А.М. Старостин, характери-

зующая российскую институциональную структуру недостроенность взаимоотношений ветвей и уровней государственной власти, несовершенство законодательной базы и почти полное отсутствие эффективных институтов гражданского общества «приводят к тому, что публичная власть зачастую становится лишь декорацией для непубличных действий и решений. Именно такого рода действия и принято считать теньевыми. Они выстраиваются в систему, которую затем трудно сломать»¹. Эту систему образуют элементы теневого договоренностей в практике функционирования институтов законодательной и исполнительной власти, правоохранительных и судебных органов, социальных учреждений и т.д.

Автор подчеркивает, что отсюда неизбежно следует рост закрытости политической элиты, ее отчуждения от общества и его реальных интересов и даже фактическое противостояние им. В свою очередь, закрытость элиты вызывает у широких масс населения развитие политической индифферентности, недоверия ко всем политическим деятелям и партиям, пассивного неприятия политики и властей. Индифферентность означает повышение управляемости общественного мнения, «которому теперь можно навязать любой политический проект административными средствами»².

Закрытость элит отражает сложившуюся в пореформенном российском обществе деформированную иерархию интересов, когда доминирование эгоистических интересов теневого элит и связанных с ними групп становится угрожающим для национальных интересов и безопасности общества в целом, поскольку теньевые олиго-экономические конклавы являют собой паразитические, деструктивные образования.

В параграфе 3.2. «Рост силового сектора во взаимодействиях общества и политической элиты как рискогенный фактор» рассматриваются политические риски, обусловленные процессом милитаризации политики и роста влияния силовых структур на управление обществом и политические процессы. По данным О. Крыштановской³, на сегодняшний день в России каждый четвертый представитель элиты

¹ Старостин А М Административно-политические элиты России позиционирование во власти и управленческая эффективность Ростов н/Д Изд-во СКАГС, 2003 С 24

² Яницкий О Н Социология риска ключевые идеи // Мир России 2003 № 1 С 3–35

³ Крыштановская О Анатомия российской элиты С 264

– военный, и их число в политике продолжает возрастать, в связи с чем она справедливо, по мнению автора, задается вопросом о рисках, связанных с милитократией. Вовлечение в широких масштабах военных в политическую деятельность и управление является отражением магистральной тенденции развития российского общества в «общество риска», ориентированное на нормативный идеал безопасности. Российская политическая элита в результате кланового перерождения отождествляет безопасность и политическую стабильность общества с сохранением собственной власти и в стремлении к стабилизации положения пытается закрепить его путем возврата к политическим формам доперестроечного типа, сутью которых было силовое решение возникавших проблем. Отсюда вытекает повышенный интерес элиты к силовым структурам и военным как носителям легитимного насилия, с помощью которого можно укрепить сложившийся социальный и политический порядок. По словам О. Яницкого, здесь проявляются характерные особенности рефлексии правящей элиты, в частности, ее инструментальная ограниченность, отсутствие внимания к поиску ценностно-этических оснований экономических и политических преобразований, наконец, дефицит стратегического мышления в решении проблемы обретения Россией своего места в системе глобального миропорядка. Соответствующие проценсы идут и в политическом сознании населения. Дискредитация в широких массах демократических идей и институций сопровождается ростом авторитета силовиков. Политическая логика насилия, подчеркивает автор, органически вытекает из рискогенной сущности функционирования российской правящей элиты, которая, как говорилось в предыдущих параграфах, составляет ядро солидарности производителей рисков. Поиск опоры в среде силовиков и милитаризация власти означают формирование нового типа клановости, основанной на корпоративном духе сотрудников силовых структур. Широкая инкорпорация в правящую элиту силовиков, по мнению автора, – глубоко рискогенное явление, поскольку авторитарная специфика менталитета военных, в сущности противоречащая духу демократии, может подчинить себе политическую сферу.

О начавшемся процессе сворачивания реальной демократии, по мнению автора, свидетельствуют законодательные инициативы, факти-

чески накладывающие ограничения на многопартийность. С точки зрения многих политических и общественных деятелей и организаций РФ, Закон о политических партиях носит явно репрессивный и дискриминационный характер в отношении партий и общественных объединений. (Крыштан.) Он предусматривает ликвидацию региональных и межрегиональных партий, а также небольших по численности партий, запрещает членство в партиях юридическим лицам, лишает права другие общественные объединения выдвигать на выборах всех уровней своих кандидатов, включая кандидатов в президенты РФ. Партии лишаются права на выдвижение своих кандидатов на выборах, если они не участвуют в выборах два срока подряд. Государственное же финансирование партий представляет собой скрытую форму их политической зависимости от властей.

Параграф 3.3. «Качество и культурный потенциал российской политической элиты как источник рисков» посвящен анализу рисковенного влияния низкого уровня общей, политической и правовой культуры правящей элиты. Автор полагает, что в значительной степени рискогенность деятельности современной правящей элиты определяется низким уровнем ее общей и политико-правовой культуры. Историческая и социокультурная специфика кратического поведения правящих элит в России (их бесконтрольность, закрытость, сословность, безответственность) значительно утяжеляет задачу формирования новой политической элиты, качества которой соответствовали бы потребностям демократического политического процесса. Низкий уровень политической и правовой культуры элиты, неразвитость у нее культурной рефлексии, стремление жить на основе заимствованных и формально соблюдаемых принципов, по сути сохраняя за собой возможность почти абсолютного произвола и бесконтрольности коррелирует с долготерпением и неразвитостью правосознания у населения. Слабость политической культуры элиты определяется несоответствием ее почти не ограниченных властных возможностей и уровня сознательной ответственности за результаты своей деятельности. Не лучше обстоит дело и с уровнем ее правовой культуры. Автор полагает, что роль правовой культуры в аспекте ее влияния на политические процессы и в том числе на обеспечение национальной безопасности, сводится к тому, чтобы связать посредством

установленных норм политико-правовую организацию общества и поведение его членов. Поэтому уровень правовой культуры элиты, определяя реальные возможности правового контроля над характером властных отношений, является важным фактором влияния на степень риска для общества. О рискогенности низкого уровня правовой культуры элиты свидетельствует тот факт, что государство и правовые институты не в состоянии гарантировать защиту прав населения. Согласно опросам, половина респондентов трудоспособного возраста свидетельствуют о нарушении их прав в течение последних лет. При этом в качестве основного нарушителя прав выступали представители государственной власти или начальники по работе¹. По мнению автора, это свидетельствует о сохранении за псевдодемократическим фасадом авторитарной логики кратического поведения, по-прежнему определяющей действия представителей власти. Ее укреплению способствует рост неправовых практик в российском обществе, формирование в нем нигилистического контекста отношения к праву. Распространение неправовых практик в обществе берет начало в правовом нигилизме элиты, что, по мнению Т. Заславской, выступает одним из важных препятствий реализации в России как социал-демократического, так и либерального сценариев преобразований.² Низкий уровень правовой культуры российской политической элиты свидетельствует о серьезном системном поражении общества, которое, как подчеркивает автор, проявляется прежде всего в том, что политическая элита, призванная быть гарантом национальной безопасности, не только не выполняет этой функции, но и в силу своего нигилистического отношения к праву является источником неопределенности и рисков для населения, которое остается в результате абсолютно незащищенным, и для общества в целом, ресурсы которого она бездумно растрчивает и расхищает. Внося дополнительный элемент риска в жизнь российского общества и функционирование его политических институтов, деятельность правящей элиты выступает как совокупный рискогенный фактор.

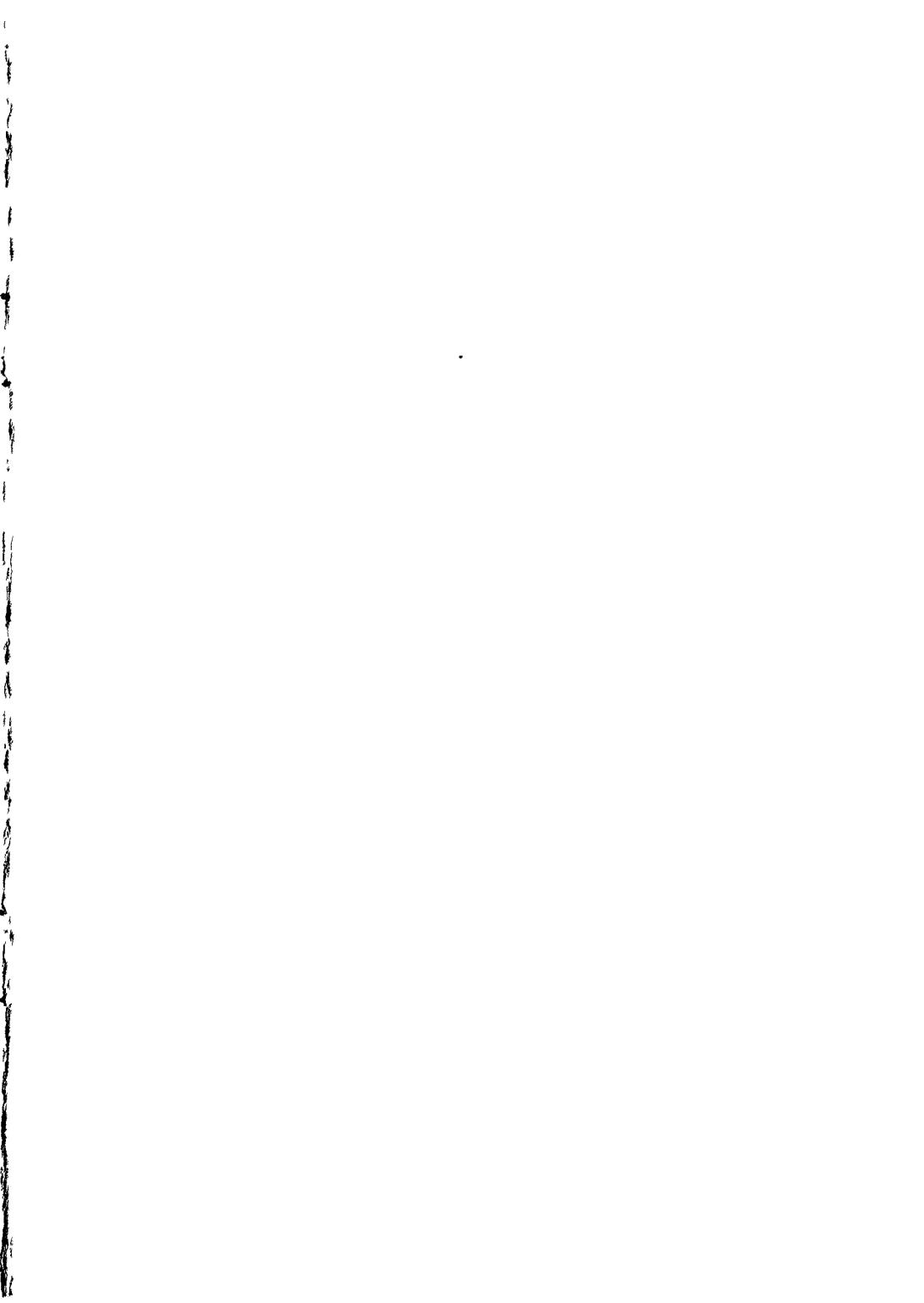
¹ См. *Осадчая Г И Социальное знание и социальная практика* М, 2003

² *Заславская Т И Шабанова М А Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования* 2002. № 6

В «**Заключении**» подводятся общие итоги исследования, формулируются основные **выводы**.

Основное содержание диссертации отражено в **следующих публикациях автора**:

1. Бондаренко Е.В. Рискологические концепции в изучении политических элит. Брошюра. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2005. – 2,5 п.л.
2. Бондаренко Е.В. Стратегические риски политико-идеологической сферы: кризис социального проекта, целей и ценностей элиты // Актуальные проблемы российской политологии и политического управления. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2005. – 0,5 п.л.
3. Бондаренко Е.В. Качество и культурный потенциал российской политической элиты как источник рисков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2006. № 1. – 0,7 п.л.

2006A
4819

№ - 4819